

наго своего испытанія на мысѣ Чугацкомъ отъ однородныхъ Кадіакскимъ обитателямъ. Но я мало уважалъ все сіе, и пренебрегалъ всѣ опасности, дабы достигъ цѣли намѣреній общества и собственнаго моего.

Изъясненія выше сего на меня нападенія, не обнадеживали насъ и впредь быть безопасными, но тѣмъ болѣе, что они никогда не пропускали нападать на наши байдары, посылаемыя для развѣдываній; и хотя всякой разъ послѣ покушеній давали они и на байдары своихъ Аманатовъ, почему будучи намѣрены мы прозимовать на островѣ ими обитаемомъ, и довести ихъ щедростію, угощеніемъ и подарками, до миролюбиваго познанія, что они чрезъ дикость свою собственнаго своего лишаются покоя, убивая другъ друга; и дабы показать имъ жизнь невѣдомую, все стараніе свое употребилъ къ тому, чтобы построить домики и сдѣлать крѣпость, на перьвой разъ хотя плѣтневую. Мы въ томъ и успѣли, хотя съ великимъ трудомъ; но какъ, и со всѣмъ тѣмъ, не преставали они дѣлать покушенія какъ на байдары, посылаемыя мною для обозрѣнія и описанія мѣстъ, такъ и на насъ самихъ, то я избѣгалъ, сколько можно пролитія крови, и чтобы лучше себя обезпечить, представлялъ силу и дѣйствіе нашего пороха, и пробуравивъ въ превеликомъ камнѣ дыру, накласть туда онаго, при которомъ утвржда замокъ отъ ружья, а къ сему предолгую веревку, подъ другою каменъ для безопасности того, кто долженъ дѣйствовать оною, разорвалъ вмѣстѣ съ ружейнымъ выстрѣломъ при множествѣ мирныхъ Конягъ, отъ чего разсѣявъ вездѣ слухъ о удивительной силѣ, такъ ими называемыхъ, нашихъ стрѣлокъ. Послѣ чего и другихъ непонятныхъ, чудныхъ и вмѣстѣ ужасныхъ для нихъ явленій, всѣ Коняги острова, оставили свои усильства къ вытѣсненію насъ: ибо я имъ представлялъ, что я желаю съ ними жить въ дружбѣ, а не вести войну; а въ прочемъ ежели бы другое мое было намѣреніе, то не избѣгли бы они силы моего оружія, при томъ же и все-милостивѣйшая наша Государыня желаетъ имъ покровительствовать и доставить имъ жизнь безопасную и спокойную. Сіе, и многіе примѣры ласковаго обхожденія и малыхъ подарки совершенно ихъ усмирили. Тутъ я чрезъ толмачей всячески внушалъ имъ о спокойствіи, великости, силѣ и красотѣ всего находящагося во внутренности Россіи, равно какъ и о милосердіи нашей ИМПЕРАТРИЦЫ. Принявъ же разсѣвающійся о всемъ томъ слухъ и любопытство, и болѣе еще старался удостовѣрить ихъ, иногда разказывая, а иногда показывая вещи, которыя бы они безъ предупрежденія готовы были боготворить, доводи ихъ постепенно до познанія того невѣжества, въ коемъ они находились. Такимъ образомъ приобрѣлъ я къ себѣ отъ нихъ столь великое благорасположеніе, что они на конецъ всѣ называли меня своимъ отцемъ. При таковыхъ знакахъ ихъ ко мнѣ довѣренности, отдавали себя охотно въ мои повелѣнія; почитали они чудомъ скоропоспѣшное строеніе нашихъ домовъ, потому что они надъ одною своею хижиною трудятся, отесывая доски заостренными желѣзцами, нѣсколько лѣтъ, и для того почитаютъ они оныя великой цѣны стоящими. Невѣжество ихъ такъ велико, что они, когда мы во время темныхъ ночей выставляли бывшій у меня